

Три жизни Алены Кирцовой

Культура. — 2002. — 12-18 сент. — с. 8

“Ретроспектива” на Неглинке

Московский центр искусств на Неглинке встретил осенние будни довольно экстравагантной выставкой современного искусства Алены Кирцовой. Авангардизм открылся перед этой художницей как наиболее органичный для нее способ самовыражения после работы в импрессионистическом стиле — несколько небольших полотен несут в себе зыбкую романтику утренних пейзажей, тающих в рассеянном свете. Кирцова — художник, безусловно, созерцательный, в каком бы стиле и направлении она ни творила. Замечательно заключенное в деревянные рамки стекло от разноцветных бутылок. Разбитое вдребезги, оно составляет разнообразные композиции произвольно и в то же время ненавязчиво, природную диалектику, по которой обтекаемости, изяществу, прозрачности соответствуют острота, колкость, спектральность. Одно совершенно вдруг переходит в свою противоположность. Некое пограничное состояние улавливается как художественный акт. Эту особенную структуру не только угадала, но сохранила и даже подчеркнула Кирцова в своих работах. Убедительно использует в собрании “Горлышки” длину и перспективу линий данного бутылочного фрагмента,

а в собрании “Донышки” — плоскость и законченность самой формы.

Абстракционизм представляет в больших живописных полотнах многообразие материального мира, познанного через мир чувственный. Пространство познается художницей “свежим глазом”, первым впечатлением и переносится, как кажется, “на скорую руку”. Однако “красит” (по авторскому выражению самой Алены Кирцовой) она очень медленно, тщательно, никуда не торопясь. По этому поводу ее учитель, Василий Ситников, как-то сказал, что она красит так, “словно у нее три жизни”. Заметен такой редкостный по нашим временам интерес Кирцовой к абстрактной живописи, который уже давно среди современных художников “не практикуется”. Она именно изучает. Изучает возможности и следствия своих действий, задавая риторические вопросы прежде всего себе самой и находя абсолютно непредсказуемые на них ответы. К примеру, каким образом среагирует холст данной плотности на тот или иной цвет, оттенок, тон краски? Сколько слоев краски следует положить на поверхность холста, чтобы она начала дышать и лучиться? Как передать на бездвижной, мертвой плоскости движение — материи,

света, мысли, жизни?.. В результате полученных ответов зритель имеет шанс погрузиться в шестел брызжащих в вечерних сумерках каплей фонтана или просто лечь на утекающую мимо времени воду. “Вода” Кирцовой многозначительна и того цвета и энергии, которые больше подходят под то или иное настроение — от белого до черного. Есть также уютные и таинственные углы коридора, освещенные настольной лампой, где очень безопасно и молчаливо проходят вечера. Есть даже микеланжеловский “Давид” в двух вариантах — весь и укрупненная деталь. Правда, его не так просто отыскать в слоях ультрамарина, а если все-таки удастся, то радость от увиденного будет подобна обретению знания о тайне.

Особое место в экспозиции занимают модернистские тексты, выкопанные, выжженные, выдолбленные на обелисковых стенах. Одна концептуально прорастает в память днями рождения друзей, родственников, знакомых как увековечение содержимого записной книжки, а вместе с ней и факта жизни этих людей. Другая стена поет гимн драгоценным акварельным краскам, свято осозанным и отданным в подарок другому. Третья дробит пережитые муки творчества — “сумасшедшим глазом по локоть в краске” — на знаки букв, камерно доверяет нам сокровенное и ищет понимания.

Арина АБРОСИМОВА

